

УДК 802.0 – 31

КРИТЕРИИ ВЕРНОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА: ИНТУИЦИЯ И МОМЕНТ ОЗАРЕНИЯ-ИНСАЙТА

© 2009 г.

С.А. Панкратова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

svetpankrat@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.10.2008

Исследуется момент озарения-инсайта как один из критериев подтверждения верности метафорического выбора. Рассматриваемый как в традиционном стилистически-риторическом, так и в современном когнитивном аспекте момент озарения-инсайта обещает пролить свет на образно-интуитивные механизмы творческого мышления. Результатом осмысления этого важного познавательного механизма может явиться понимание новых способов описания концептуальных абстракций, выходящее за пределы сложившихся прототипных метафорических моделей.

Ключевые слова: метафора, метафорический выбор, инсайт, механизм ассоциирования, конкретный концепт, абстрактный концепт, эвристика.

Уникальный когнитивный механизм, подобно микроскопу, позволяет сфокусироваться на пока недостаточно осмысленных проблемах человечества и достичь понимания пока недоступных для эмпирического изучения проблем. Этот уникальный механизм – метафора, основанная на ассоциировании, соположении различных концептов. Именно благодаря метафоре мы имеем возможность изучить широкий спектр зачастую труднодостижимых теорий и концепций, и, освобождаясь от силы притяжения банальных образов, под иным углом взглянуть на волнующие нас проблемы. Новизна обращения к метафоре как когнитивному механизму заключается в том, что, несмотря на изученность лингвистических аспектов метафоризации (детально изучены её стилистическая, номинативная, эмотивная и апеллятивная роль), сравнительно мало внимания уделялось её эвристической функции, тому, как именно механизм метафоры способствует осмыслению новых концепций, гипотез и теорий современности. Объектом предлагаемой вниманию заинтересованного читателя статьи станет один из заключительных этапов метафорического выбора, а именно интуитивный момент озарения или инсайта. Цель статьи – осветить критерии возникновения момента озарения-инсайта как подтверждения верности метафорического выбора.

В наши дни как никогда прежде интерес к метафоре, понятию, известному в науке вот уже две с половиной тысячи лет и ныне интенсивно изучаемому с различных сторон, с различными научными задачами и научным аппаратом, заметно интенсифицировался. Главной тенденцией начала нового тысячелетия в изучении мета-

форы считается постепенный отход от воззрений на неё как второстепенную риторическую фигуру, своего рода продукт субъективного восприятия и отражения мира творческой личностью, во многом непредсказуемый и непрогнозируемый. Интеграция лингвистических и психологических данных заставляет взглянуть на метафору (и один из аспектов её функционирования в сознании, интуицию) гораздо шире рамок тропеизма и системоорганизующей роли в языке и рассматривать её как универсальный когнитивный механизм, позволяющий осуществлять концептуализацию нового онтологического явления по аналогии с уже сложившейся системой понятий. Степень разработанности избранной проблемы относительно неглубока, а труды, посвящённые изучению именно роли подсознательного, интуитивного в метафорическом выборе практически отсутствуют. Это объясняется тем, что относительно недавно фундаментальная наука вышла на новый, когнитивный этап представлений о сущности метафоры. Прежде самая яркая из сторон метафоры, её образная, ассоциативная природа, заставляла считать её лишь незаменимым средством языковой выразительности. Возможно, по этой причине метафоре в течение долгого времени отводилась лишь второстепенная роль риторической фигуры, предназначенной для усиления воздействия на слушателей.

Такое отношение к метафоре имеет многовековую историю и уходит корнями в античность, когда учение о стиле и принципе подбора языковых средств подчинялось критериям ясности и понятности. Ясность, понимаемая как основное достоинство речи, обеспечивалась

гармоничным соединением общеизвестных слов с возвышенными, в том числе и метафорами. В «Поэтике» Аристотель дает одно из первых определений метафоры, часто цитируемое в современных исследованиях: «Переносное слово (метафора) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [1]. Из определения видно, что в рамках классического подхода под термином «метафора» собирается большая часть тех языковых явлений, которые затем обозначаются термином «троп» – метонимия и синекдоха. Изучение языка у Аристотеля, отвечая общему духу того времени, когда язык не воспринимался как самостоятельный объект исследования, ограничивается поэтикой и риторикой. Соответственно, аристотелевские рассуждения связаны с метафорой как фигурой речи, компонентом стиля. О метафоре как о явлении языка и сознания Аристотель не говорит.

Тем не менее, именно в глубинах античной риторики зародился взгляд на метафору как на неотъемлемую часть языка. Мысль Аристотеля о том, что некоторые из соотносимых понятий не имеют постоянного имени, но и они могут именоваться по аналогии, нашла свое развитие в трудах Деметрия и Цицерона. Первый из них отмечал, что обиходная речь, являясь лучшей поставщицей метафор, почти все употребляет в переносном смысле, «... такие метафоры утвердились в языке, заняв место буквальных обозначений» [2]. Цицерон трактовал метафору как способ формирования недостающих языку значений, порожденный необходимостью и возникший под давлением бедности и скудости словаря. Квинтиллиан также отмечал, что, привнося в речь нечто новое, до того в ней не содержавшееся, метафора содействует тому, чтобы ни один предмет не оставался без обозначения. Таким образом, как только метафора была осознана, выделена из ряда других явлений, возник вопрос о двойственности ее функциональной природы: быть номинативным средством языка и поэтической фигурой.

Из вышесказанного становится очевидно, что с самого начала изучение метафоры было сосредоточено на языковом результате глубинного когнитивного механизма ассоциирования. Внимание обращалось прежде всего на противоположность живых и мёртвых метафор – первые зафиксированы в словарях (окаменевшие, привычные, стертые, лексикализованные, языковые), а вторые функционируют в живой речи (яркие, образные, свежие, речевые). Становилось совершенно очевидно, что от разрешения этого вопроса зависит дельнейший ход иссле-

дований в области метафоры. И такой подход был предложен. Согласно новому подходу, языковая и художественная метафора могут рассматриваться как единый объект исследования, и по принципам семантических процессов между метафорой языковой и речевой нет непреодолимой границы [3–5].

В пользу нового подхода приводятся следующие аргументы. Для общезыковой системы семантических связей приемлемы как языковые метафоры, основанные на объективированных ассоциативных связях, так и авторские (художественные) метафоры, содержащие черты индивидуального мировосприятия. Случайность художественной метафоры также имеет свои пределы, устанавливаемые ею отношения не выходят за рамки чувственно воспринимаемой действительности. Метафоры этого типа лишь более полно выявляют универсальный процесс симилиации, поиска сходного в общем и многообразном, который представляет собой один из базисных механизмов восприятия сознанием внешнего мира. Оригинальный субъективный образ, возникающий в сознании говорящего, основывается на том же механизме ассоциирования, который лежит в основе устоявшегося, отработанного узусом, общезыкового фонда вторичных наименований. Авторская индивидуальность метафор тоже не абсолютна. Как справедливо отмечает В.Н. Телия, факты авторского словоупотребления представляют собой столь же неотъемлемое достояние живого языка, как и нормативно фиксированная сочетаемость слов [6]. С другой стороны, если языковая метафора анонимна и узуальна, то и художественная метафора, не всегда сохраняющая авторство, может считаться узуальной в том смысле, что одно и то же метафорическое словосочетание может встречаться в произведениях разных авторов.

В генетическом плане нельзя провести четкой грани между языковой и речевой метафорой еще потому, что последнюю в определенном смысле можно рассматривать как исходную стадию развития первой. Всякая языковая метафора в истоке своем творческий акт, суть которого состоит в том, что художник проследживает и утверждает в метафоре то глубинное сродство вещей, которое еще не окрепло для формул. Но, попадая в оборот повседневной речи, метафора наталкивается на ограничения употребления, налагаемые функционально-стилевыми и коммуникативными характеристиками дискурса, под влиянием которых она быстро стирается и на общих правах входит в словарный состав языка. Всё вышесказанное по-

зволяет сделать вывод о том, что речевая и языковая метафоры представляют собой одно явление с точки зрения системно-языковой техники образования новых значений, они сходны по принципам семантических процессов, отражающих универсальные психологические закономерности, сферы их применения взаимоприемлемы.

О новой, концептуально моделирующей роли метафоры заговорили многие лингвисты. «Метафора не нужна практической речи, но она ей в то же время необходима, не нужна как идеология, но необходима как техника» [7]. Без метафоры не существовало бы ни лексики невидимых миров, обслуживающей мир идей, событий, процессов и абстрактных понятий, конструируемых человеком, ни зоны вторичных предикатов. И вот, как только в лингвистике было достигнуто новое видение метафоры, она, уже как языковой механизм, заинтересовала психологов, нейропсихологов, политиков, социальных инженеров. В ней стали видеть явление сознания, способное восполнить пробелы в процессе познания и интерпретации явлений действительности.

Так наметились основные контуры современного, процессуально-динамичного подхода к метафоре. Актуальными в наши дни стали проблемы метафорического выбора, совершаемого на глубинном уровне сознания. В предельно сжатом виде это вопросы о том, каковы методы и единицы измерения процессов сознания? Как и почему именно те или иные метафоры избирает человек? Является ли этот процесс интуитивно-творческим, и если да, то в чём его критерии?

На все эти вопросы есть положительные ответы. К сожалению, заявленная в заглавии статьи тема не позволяет подробно останавливаться на каждом из них, однако считаем необходимым дать краткую характеристику тем когнитивным инструментам, которые используются в лаборатории по изучению метафоры. Ведущим методом когнитивной лингвистики стал концептуальный анализ. Это изучение смыслового наполнения концепта (его синонимы и антонимы, родо-видовые отношения и отношения «часть-целое», ассоциации). Минимальной единицей репрезентации знаний в когнитивистике стал концепт. В когнитивной теории метафоры внимание обращено на принципиальную противоположность двух видов концептов. Это конкретный концепт (концепт, референтом которого является реально наблюдаемый и осязаемый материальный денотат) и абстрактный концепт (концепт,

референтом которого является абстрактный, идеальный денотат).

Конкретные концепты, референтами которых являются материальные, реально наблюдаемые и осязаемые объекты и явления, хороши тем, что образны. Они как бы возвращают человека к его опыту общения с конкретным миром, напоминают о свойствах и качествах действительности, как бы осуществляя непосредственный контакт с ними. Абстрактные концепты, референтами которых являются абстрактные сущности и явления, ненаглядны, значение их, размыто, диффузно, а структура признаков нечёткая. Число абстрактных концептов со временем обогащается новыми понятиями «пространство», «вещество», «энергия» и «информация», но все они имеют нулевую степень образности.

Сам механизм метафорического выбора заключается в том, что абстрактные сущности получают предметные параметры, это делает их более понятными человеку, вводит в антропометрическую парадигму [8]. Действительно, человек чувствует, что язык вооружил его звуками и словами и оттеснил от обилия всего того, что непосредственно можно созерцать, слышать, осязать. Метафорический выбор – это способ уйти от абстрактности языка, попытка восполнить потребность в сенсорных ощущениях хотя бы через языковую образность. Совершая метафорический выбор конкретных концептов для описания абстрактных, человек возвращается к опыту общения с живым миром, вспоминает о его свойствах, как бы осуществляет непосредственный контакт с вещами.

Механизмы метафорического выбора начинают работать, когда возникает чувство, что общепринятые метафоры неполно или неадекватно описывают тот или иной недостаточно познанный абстрактный концепт, а завершается весь процесс достраиванием когнитивной модели (в целях проверки верности избранной прототипной метафоры), а также моментом интуитивного озарения-инсайта, на котором и хотелось бы остановиться подробнее.

Обращаясь к основной теме статьи, а именно к моменту озарения-инсайта как механизму подтверждения правильности метафорического выбора, отметим, что это сфера творческая, эмоциональная и во многом субъективная. Проблемами творческого мышления занимается эвристика (греч.: *heurisko* отыскивать, открывать), различающая такие фазы творчества, как: 1) подготовка, 2) созревание идеи, 3) озарение и 4) проверка результатов [9]. Важную роль в процессе творчества (и метафорического выбо-

ра как его языковой разновидности) занимает интуиция, устремлённая от представления искомого в самых общих чертах через ощущение тождества (англ. coherence соответствие) ко всё более углубляющемуся чувству определённости [10–12]. Предполагается, что в результате метафорического выбора и построения целостной когнитивной модели должна наступить решающая фаза творческого мышления – момент озарения-инсайта. Это особо яркое состояние сознания, догадка, внезапное решение, подтверждающее правильность окончательного выбора той или иной когнитивной модели.

Критерием правильности метафорического выбора для того или иного индивида служит оптимальная полнота соположения концептуальных сфер, сопровождающаяся сильным эмоциональным всплеском [13, 14]. При оптимальном совпадении параметров в пределах когнитивной модели включается ощущение озарения-инсайта (англ. aha-reaction) и поставленная творческая задача оказывается решённой [15].

Значительно варьируются мнения учёных о том, что служит пусковым моментом озарения-инсайта. Одни считают его результатом простого суммирования информации до критического числа, как в теории семантического логогена Мортонна [16]. Другие ведущей к озарению-инсайту считают полноту интерполяции сопологаемых концептов и отношений в выстраиваемой когнитивной модели [17]. Третьи полагают, что озарению-инсайту равносильно нахождение «ключевого» признака в процессах эвристического поиска [18, 19]. Как отмечается в «Психологическом словаре» [20], «...успешность интуитивного решения зависит не от выделения какого-то одного информативного признака, а от сложившейся в ходе поиска мозаики признаков, в которой данный необходимый признак может занимать различное место». В приведённых взглядах общим оказывается то, что именно целостное видение абстрактного концепта способствует возникновению чувства озарения-инсайта.

Ярким примером творческого озарения служит поиск и открытие сути концепта 'понимание' русским философом-герменевтом В. Розановым. Вот как он описывает этот процесс: «Всё “О понимании” пропитано у меня соотношением зерна и из него вырастающего дерева, а в сущности просто – роста, живого роста. Растёт – кончено. Тогда за набивкой табаку у меня возникло: да на что Д.С. Милль выдумывал, сочинял, какая цель у человека, когда я есмь «растущий» и мне надо знать: когда, куда, во что (дерево) я расту, выращиваюсь, а не что мне

поставить («искусственная вещь», «табуретка») перед собою. Вдруг – колокола, звон. «Пасха» – «Эврика, эврика!». Слово одно: потенция («зерно») реализуется. Да теперь я долезу до неба. Всё здесь, в идее «потенция», «что растёт» [21]. Показательным для момента метафорического озарения-инсайта здесь является и отрывисто-эмоциональная речь, момент переключения на другой предмет (набивка табаку), эксплицирован процесс достраивания естественной, биологической когнитивной модели.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что метафорический выбор рассматривается в данной статье как интуитивно-творческое, нестандартное осмысление абстрактного концепта. Осуществляя метафорический выбор спонтанно, нерелективно, человек попадает в ловушку несвободы и зависимости от языковых стереотипов. Оперировав таким прекрасным инструментом, как метафора, человек давно и прочно заключил себя в узкие рамки языковых стереотипов, шаблонов и клише. Например, мы всегда осмысляем электричество как поток электронов, любовь, да и в целом любые эмоции – как стихию или огонь, а процесс познания – как подобное оттиску печати прямолинейное отображение поступающих в мозг впечатлений. Не всякий учёный, мыслитель находит в себе силы противостоять многовековой силе языковых стереотипов и найти нестандартные способы осмысления концептуальных абстракций. Однако именно эта способность не мыслить аморфно, а отфильтровывать стандартные метафоры, кристаллизуя собственные мысли в новых образах, может послужить импульсом к созданию новых теорий, гипотез и концепций.

Сила и творческая сторона метафорического выбора в том, чтобы осознать бытующие в сознании и языке установки, шаблоны, стереотипы, тиражируемые, классические, ключевые метафоры. Они становятся для человека привычными и употребляются неразборчиво, по инерции. Творчество начинается тогда, когда, отталкиваясь от знакомого, человек ищет нестандартные, слабые импликации, личные, не запрограммированные традицией ассоциации. Момент озарения-инсайта в таком ракурсе оказывается очень важным инструментом, он (вернее, его отсутствие в метафорическом выборе) помогает осознать, что традиционные метафоры неполны и недостаточны. Он подводит человека к мысли, что традиционные прототипные метафоры – это рутинное осмысление абстрактных концептов. Стремиться к преодолению готовых схем, уходить от метафорических стереотипов значит то и дело сталкиваться с моментом оза-

рения-инсайта. Творческая свобода, таким образом, заключена не в самом наличии выбора, а в возможности проигнорировать стандартные схемы ассоциирования.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что благодаря изучению когнитивных механизмов метафорического выбора языковые проблемы оказываются непосредственно связанными с нуждами человека. Зная механизмы мышления и творчества, можно разрешить многие из проблем современности: гуманитарная наука рекомендует для этого осознать бытующие в сознании и языке установки, шаблоны, выраженные в традиционных, стереотипных, классических, ключевых метафорах. «Задаваясь вопросом о том, как работает язык, мы одновременно задаём вопрос о том, как мы мыслим и чувствуем, как протекают все остальные типы деятельности человеческого сознания» [22]. Если корни теории метафоры – в практике, плодами её может стать возросшее умение творчески мыслить, продуктивно менять свои познавательные установки, вовремя отказываясь от языковых и мыслительных стереотипов.

Список литературы

1. Аристотель. Соч. в 4-х т. М., 1976. С. 66.
2. Античные теории языка и стиля. М.–Л., 1936. С. 220.
3. Верли М. Общее литературоведение. М., 1957. С. 120.
4. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. Вып. 1. М., 1979. С. 14–20.
5. Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. Сб. ст. М., 1990. С. 307–341.
6. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981. С. 12.
7. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Сб. ст. М., 1990. С. 5–33.
8. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1970. С. 250–299.
9. Wallace A.F.C. Culture and Personality. N.Y., 1960. P. 125.
10. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С. 30.
11. Пономарёв Я.А. Психология творчества. М., 1973. С. 250.
12. Polany M. The Creative Imagination // The Concept of Creativity in Science and Art. L., 1981. P. 91–107.
13. Дункер К. Психология продуктивного творческого мышления // Психология мышления. М., 1965. С. 86–234.
14. Creative thought: an investigation of conceptual structures and processes. Washington, 1997. P. 156.
15. Wertheimer M. Productive thinking. N.Y.–L., 1959. P. 200.
16. Jackson A. and Morton J. Facilitation of auditory word recognition // Memory and Cognition. N.Y., 1984. P. 35–50.
17. Posner M.I. and Fitts P.M. Human Performance. Belmont, 1967. P. 357.
18. Косов Б.Б. Творческое мышление: его механизмы и факторы развития // Психологическое обозрение. М., 1996. С. 18–23.
19. Пилипенко Н.В. Научное открытие и его восприятие. М., 1971. С. 12.
20. Психологический словарь / В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, Б.Ф. Ломов и др. М., 1983. С. 200.
21. Голлербах Э.Ф., Розанов В.В. Жизнь и творчество. Петроград: Полярная звезда, 1922. С. 65.
22. Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры. Сб. ст. М., 1990. С. 68.

CRITERIA OF THE METAPHORIC CHOICE CORRECTNESS: INTUITION AND THE POINT OF THE «AHA» REACTION OR INSIGHT

S.A. Pankratova

This paper is focused on such cognitive mechanisms as intuition and the point of the «aha» reaction or insight that may be viewed as criteria for proving the correctness of the metaphoric choice. Being studied both in the traditional stylistically-rhetorical and modern cognitive aspect, the moment of the «aha» reaction or insight promises to shed light on image-based and basically intuitive mechanisms of creative thinking. As a result of this cognitive mechanism study, we can reach the understanding of new ways to describe concepts, going far beyond the traditional bounds of standard prototypical metaphoric models.

Keywords: metaphor, metaphorical choice, insight, associating mechanism, concrete concept, abstract concept, heuristics.